

го океана, что подтверждается помещением в бассейн перед храмом «золотых» рыбок — как напоминание о рыбе Кара в центре моря Воурукаша). Та же идея нашла отражение в соединении воды из «бороздок», очерчивающих алтарное пространство, с подземными «всемирными» водами. Впрочем, и сам прием очерчивания пространства является одной из древнейших черт индо-иранской ритуалистики и магии.

Во-вторых, при создании храмов (после столетий полутайного бытования традиционных иранских святилищ, когда традиция храмового строительства была прервана) за образцы бралась древнеиранская архитектура, в первую очередь персепольская, что было весьма патриотично, хотя основным финансовым вливанием в строительство служили деньги индийских парсов. Архитектурный облик храмов последних также апеллировал к древней передневозосточной архитектуре, но не стремился к ее копированию в той степени, которую мы наблюдаем в Иране.

В-третьих, именно по причине индийского влияния и помощи зороастрийские храмы Ирана в XX в. приобрели свой законченный вид и внутреннее устройство, включая возможность свободного обозрения священного огня.

Библиография

Крюкова В.Ю. Зороастризм. СПб., 2005.

Boyce M. The Fire-temples of Kerman // Acta Orientalia 1966. XXX. P. 51–72.

Green N. The Survival of Zoroastrianism in Yazd // Iran. 2000. XXXVIII. P. 115–122.

В.А. Прищепова

КОЛЛЕКЦИИ МАЭ ПО КУЛЬТОВЫМ ОБЪЕКТАМ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В состав фотоколлекций конца XIX — начала XX в. по народам Средней Азии вошли фотографии мусульманских кладбищ, гробниц (бухарские, казахские могилы, могильные камни в Ошском уезде Ферганской области и т.д.), святых мест (мазары Хозрети Баба в Ходженте, Саль-мазар, купальня для мусульман над серным ключом в Джеляль-Абаде Ферганской области) и др.

Иллюстративный фонд МАЭ располагает значительным количеством фотографий второй половины XIX–XX веков, на которых запечатлены памятники культовой архитектуры Бухары. Для мусульман Бухара была своего рода Меккой. Здесь много почитаемых мест, которые привлекали паломников. Бухарцы считали, что «если повсюду свет шел сверху с высоты небес, то в Бухаре он исходил снизу, из почвы самого города» [Семенов 1960: 1006]. Это говорит об обилии святых объектов в городе.

«Святость города» увеличивало необыкновенно большое количество кладбищ и отдельных могил во дворах. По наблюдениям П. Пославского, в 1890-х годах фамильная усыпальница почтенного рода всегда находилась во дворе собственного дома [Пославский 1891]. Факты захоронения при домах по завещанию людей отмечала и О.А. Сухарева [Сухарева 1966: 85–86].

Как пример укажем на гробницу особо почитавшегося святого, покровителя Бухары, шейха Баха-ад-Дина. Его гробница находилась в окрестностях столицы ханства. На фотографии второй половины 1880-х годов снят старинный кишлак Баха-ад-Дин, как называли гробницу шейха и окружавшие ее постройки [МАЭ РАН. Колл. 255–173].

На снимке можно увидеть, что по внешнему виду кишлак Баха-ад-дин почти ничем не отличался от других селений. Его жилища, мечеть, дома для паломников утопали в зелени. Вдоль улиц кишлака тянулись постройки для нищих, в которых проживало до нескольких сот человек. Обитатели кишлака проживали и питались бесплатно. Пищу в приюте для странствующих дервишей готовили ежедневно в четырех огромных котлах. Улица нищих вела к воротам исторического кладбища, где покоились потомки Баха-ад-Дина, некоторые из выдающихся личностей и общественных деятелей разных эпох существования Бухары [Шубинский 1892: 95].

Недалеко от гробницы Ходжи Баха-ад-дина находился святой ключ с очень чистой и вкусной водой. К могиле Ходжи Баха-ад-Дина ежегодно стекались сотни тысяч паломников, профессиональных нищих, представителей мусульманских орденов. Они совершали ритуальный обход вокруг могилы, читали молитвы, прося помощи пира. Бухарские эмиры перед вступлением на престол совершали паломничество в кишлак и делали значительные пожертвования.

Кишлак представлял собой «нечто вроде независимого городка, у ворот которого оканчивается сфера влияния светской власти, где духовенство является полновластным распорядителем» [Там же]. Это был своеобразный мусульманский монастырь, *токие*. Внутренняя организа-

ция дервишских монастырей и их социальное значение были основаны на совершенно других началах, чем европейское монашество.

Жизнь Баха-ад-Дина одним из первых отечественных востоковедов детально изучал по персидской рукописи А.А. Семенов [1914: 203].

Накшбанд Баха-ад-Дин Мухаммад ал-Бухари (1318–1389) широко известен как крупнейший представитель среднеазиатского суфизма времен Тимура. От его профессии (*накибанд* — чеканщик) происходило название братства *накибандийа*. Баха-ад-Дин не был его основателем. Он заложил организационные основы будущего ордена, получившего название по его имени, дополнил рядом положений как в теории, так и в практике. Последователями братства были многие выдающиеся деятели, в том числе известный поэт Алишер Навои.

Баха-ад-Дин родился в семье таджика, ремесленника ткача и чеканщика. Основную роль в его судьбе сыграл дед, имевший связи с *суфиями* и пробудивший у внука интерес к мистике. Почти всю жизнь Баха-ад-Дин прожил в Бухаре и окрестных селениях. Он был проповедником и жил в добровольной бедности. Культ Баха-ад-Дина получил широкое распространение в Средней Азии, во многих странах Востока. Его учение считалось одним из наиболее распространенных, влиятельных и могущественных среди дервишских братств в мусульманском мире [Ислам на территории бывшей Российской империи 1998: 78–80].

Братство накшбандийа не имело единого, общего центра. Погребальный комплекс Баха-ад-Дина, покровителя ордена, был местом поклонения всех членов накшбандийа. Традиционно братство отрицало аскетизм, большинство «братьев» были женаты. По преданию, Баха-ад-Дин оставил после себя многочисленное потомство, которое обосновалось в окрестностях его мазара. Со временем обитатели кишлака Баха-ад-дина, которые происходили по мужской линии от Баха-ад-дина, были освобождены от повинностей и пользовались большим уважением среди народа.

По словам А.А. Семенова, здесь же проживал руководитель общины братства, главный шейх *рас-уль-мешейх*, считавшийся потомком Баха-ад-Дина. Изучая историю ордена в начале XX в., А.А. Семенов писал, что «среди современных накшбандиев Средней Азии можно встретить людей, принадлежащих к самым разнообразным профессиям и классам общества, которые в повседневной жизни приносят дань всем ее разнообразным проявлениям. И лишь случайно из разговора или присутствия на *зикрах* узнаешь их принадлежность к названному ордену» [Семенов 1914: 203].

Кроме старинной фотографии 1880-х годов кишлака Баха-ад-Дина, в собраниях МАЭ хранится снимок более позднего времени (предположительно, начала XX в.) — «Вход в мавзолей с. Бехуаддина».

Личность Баха-ад-Дина, одного из выдающихся суфиев Средней Азии, и памятных мест, связанных с его пребыванием, продолжает привлекать внимание исследователей [Аверьянов, Башарин 2009]. Если судить по опубликованным в 2007 г. фотокадрам, в настоящее время архитектурный облик мазара Баха-ад-Дина существенно не изменился, комплекс отреставрирован, поток паломников к месту поклонения лишь возрастает.

Исторические фотографии из музейных коллекций сохранили изображение первоначального вида кишлака и позволяют сравнить их с современным обликом этого места [МАЭ РАН. 2808–25].

Библиография

Аверьянов Ю.А., Башарин П.В. Мазар Баха” ад-Дина вчера и сегодня // Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. Вып. II. СПб., 2009.

Ислам на территории бывшей Российской империи. М., 1998. Вып. 1.

Пославский П. Бухара // Военный сборник. СПб., 1891. Т. 202. № 11.

Семенов А.А. Бухарский шейх Баха — уд дин // Сборник, посвященный А.Н. Веселовскому. СПб., 1914.

Семенов А.А. К прошлому Бухары // Садриддин Айни. Воспоминания. М.; Л., 1960.

Сухарева О.А. Бухара. XIX — начало XX в. М., 1966.

Р.Р. Рахимов

ДЕРЕВО В КАРТИНЕ МИРА ТАДЖИКОВ

Полевые материалы, собранные автором, в последние годы в древних оседло-земледельческих районах Центральной Азии, свидетельствуют о том, что деревья, прежде всего платан (тадж. / перс. *чинор*) и можжевельник (*бурс*, тюрк. *арча*) утвердились в религиозном сознании местного населения не просто как «зеленые объекты». По всему видно, что в традиционной обрядности с ними связаны достаточно сложные религиозно-мировоззренческие представления, ведущие к да-